Автор: admin
24.03.2011 14:18 - Обновлено 01.11.2014 09:16

Что испытывает приговоренный к смерти?

«Хех… Вот так топик для легкомысленного журнала, куда народ заглядывает на огонёк – в первую очередь, чтобы расслабиться и отдохнуть», – фыркнут одни. «Хотя и жутко интересно, но мрачно и совсем не жизнеутверждающе», – поторопятся пройти мимо другие.

«Посмотрим-посмотрим...» – обрадуются третьи в надежде, что чье-то страдание как-то облегчит собственную депрессию. Хотя, может, кто-то испытает и искреннее сострадание. А между тем заявленная тема имеет самое прямое отношение не только к познанию истины, к познанию себя как человека, но и к попытке ощутить себя истинно и неподдельно счастливым человеком. Перед лицом неотвратимой смерти – как истинное утверждение жизни.

Знаете ли вы, что значит быть приговоренным к смерти? Приговоренным к тому, о чем все говорят и пишут, но в чем мало что понимают? Перед чьим черным оскалом меркнет все? Все, что до этого казалось таким важным, весомым и представляло собой смысл жизни? Ощущение такое, словно в ярко освещенной комнате, в окружении большой семьи, верных друзей и любимых женщин, где, беззаботно смеясь, бегают твои дети, у ног лежит любимый лабрадор, а в руках – дело твоей жизни, где все собрались ради тебя, а впереди такая огромная и счастливая жизнь, в один быстрый миг – как звонкий щелчок костлявых пальцев вдруг гасит свет, забрав у тебя все то, что мгновение назад было, и оставляет одного в кромешной тьме… Липкое, тошнотворное – где-то там, под бешено колотящемся сердцем – ощущение совершенной покинутости и вселенского одиночества, от которого нет исхода. Чувство невесомости и потери ощущения реальности, словно ты уже где-то между небом и землей…

Месяц тому назад мне, совершенно здоровому человеку, решившему пройти полное обследование по настоянию, наверное, что-то подозревающих, но набравших в рот воды родственников, поставили диагноз… неважно какой (он совсем неаппетитен для тех, кто желает за чтением расслабиться, и слишком банален для тех, кто смакует чужое страдание, тем самым облегчая свое). Сухой вердикт, где заключительным резюме из врачебных иероглифов – совсем не для сверхлюбопытного больного – расплываются в глазах и шумят в ушах плохо понимаемые и в то же время пронзающие насквозь животным пониманием ужаса слова «последняя стадия, терминальный, операбельный, но...» и что-то там еще. Что в переводе, на каком-то нечеловеческом языке, означает выдохнутое вполголоса «полгода максимум»…

Хех… Думаю, что первые ощущения и мысли, которые приходят к тому, кто понимает, что жизнь окончена, что труба зовет, что занавес вот-вот упадет на сцену под названием «жизнь», одинаковы для всех. Человек чувствует совершенную растерянность. Долго не может поверить в то, что весь этот кошмар происходит не с кем-то из его знакомых, не по телевизору и не в книгах, а непосредственно с ним. Первая реакция – «Не верю!», «Это какая-то ошибка!», «Это происходит не со мной!». То есть отрицание и неприятие страшной реальности.

Что еще было у меня (я не уверен, что это испытывают и другие), так это некие flash backs – проблески какого-то глубинного осознания. До понимания доходит примерно следующее: «Меня, Ивана Ивановича Иванова, тридцати семи лет отроду, такого замечательного и неповторимого, совсем не пожившего, молодого и красивого, – именно меня, Меня, МЕ-НЯ, больше никогда не будет…» И помрачнение рассудка, и чувство саможалости, и вселенской катастрофы…

(В обычной жизни, когда не приходится непосредственно сталкиваться со смертью, даже человеку с тонкой психической организацией признание возможности своего скорого небытия обычно недоступно. Все понимают, что рано или поздно умрут, но истинный смысл прекращения своей жизни, своей смерти, своего небытия обычно остается за гранью осознания.)

Жизнь с ее горестями и радостями, с ее взлетами и падениями если и не проносится быстрой кинолентой перед глазами, то постепенно вспоминается и переоценивается заново. Детство, первая любовь, первый заработок, мама, папа, смерть собаки Джима, распад Союза, рождение дочери, развод, дружба, предательство, весна 1998-го, осень 2005-го – все вспоминается до последних подробностей.

Вот скрип плохо смазанной калитки и мама, возвращающаяся с работы, – тогда мне было лет десять-двенадцать… А словно вчера… Вот запах яблок и печи на сосновых дровах – это лето у бабушки… Вот первый терпкий поцелуй – мне шестнадцать… Все как вчера. Причем оценка всему происходящему – и хорошему, и не очень – высшая.

Потом, после шока и паралича, приходит постепенное привыкание, принятие неизбежного, смирение… и какое-то эйфорическое облегчение, словно с плеч падает

гора. Эверест мелких обид, пустых амбиций, каждодневного незаметного недовольства своей жизнью. Невероятное чувство жалости к себе и сожаление о своей непродолжительной жизни, момент бездействия и апатии постепенно уступают место неистовому животному желанию бороться. Словно открывается второе дыхание перед самым финишем, происходит выброс адреналина, наступает неистовая жажда жить. Жить каждый день, каждый час, каждую минуту! Жить не вполсилы, как жил всегда, а на полную катушку!

Вся предыдущая жизнь с ее вялой инфантильностью, смешными жалобами и надуманными претензиями кажется жалкой подготовкой, репетицией к этому – одному – моменту истины. К этой реальной жизни длиною в шесть месяцев, двадцать шесть недель, сто восемьдесят два дня, четыре тысячи триста шестьдесят восемь часов, двести шестьдесят две тысячи восемьдесят минут, пятнадцать миллионов семьсот двадцать четыре тысячи восемьсот секунд…

Первым делом я написал, позвонил и встретился со всеми, с кем когда-либо поддерживал какие-то отношения. (Как правило, вялые.) Людям, хоть сколько-нибудь замечательным, даже если у меня на них и были какие обиды, об их замечательности я сказал в лицо, от чистого сердца и со всей искренностью. Чем немало их удивил. Людей далеко не замечательных я простил, сказав прежде, в чем они, по-моему, неправы, крепко пожал руку, попросил прощения и сказал, что уезжаю далеко и надолго. Чем также немало удивил.

Съездил к маме, сказал, как сильно я ее люблю, и попросил прощения за то, что не был идеальным сыном. Тайно перевел все свои банковские сбережения на счет дочери, которая в последнее время подзабыла своего папу. Отправил букет из пятидесяти трех красных роз бывшей жене, письменно поблагодарив ее за все хорошее, что было между нами. Повидал за тысячу километров своего девяностолетнего деда, которого не видел двадцать пять лет. Слетал к своей первой учительнице. Но, к сожалению, узнал, что опоздал… Сходил на могилку.

Теперь, пребывая в состоянии перманентной радости от каждого проживаемого дня, светясь неизвестно откуда взявшимся счастьем, которое испытывал где-то далеко, там, в детстве, только теперь я понял, что, наконец, живу.

Счастье переполняет меня. Особенно когда я вижу молодые недовольные лица. Когда

слышу жалобы от здоровых людей. Когда вижу проявление эгоизма, жадности, обмана, злости, глупости, мне хочется поделиться своим счастьем. Своей радостью от каждой минуты.

Но боюсь, люди меня не поймут…

Автор - **Игорь Ткачев**

Источник